На правах рукописи

Горбань Ирина Владимировна

Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2010

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Рядчикова Елена Николаевна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Клоков Василий Тихонович
	доктор филологических наук, профессор Кудряшов Игорь Александрович
Ведущая организация:	Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (Институт иностранных языков)

Защита состоится 23 декабря 2010 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан « 23 » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Ю.Н. Борисов

Реферируемая работа посвящена вопросам функционирования паремий в художественном дискурсе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода современной лингвистики.

В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к различного рода устойчивым речеобразованиям: афоризмам, молодежному, компьютерному сленгу. Не являются исключением пословицы и поговорки. Этот интерес объясняется развитием науки и культуры на современном этапе. Ученые пытаются увидеть особую национальную специфику мировосприятия того или иного народа или, наоборот, стремятся проследить универсальные категории, общечеловеческие принципы, характерные различным этническим картинам мира. Паремии позволяют лучше понять духовный мир человека, прикоснуться к сокровищнице мудрости.

Актуальность темы исследования определяется растущим интересом среди лингвистов к коммуникативно-прагматическому потенциалу паремических единиц; активным использованием их в художественном дискурсе; недостаточной изученностью пословиц и поговорок в качестве характеристики действия, конфликтогена, составляющей паремиологического дискурса.

Объектом исследования является коммуникативно-прагматический потенциал русских паремий и их роль в отображении различных авторских интенций и перлокутивного эффекта в языке художественных произведений.

Предмет исследования – паремические единицы (пословицы, поговорки, пословично-поговорочные изречения), функционирующие в художественном дискурсе.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении коммуникативно-прагматических установок русских пословиц и поговорок в художественном дискурсе.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть паремию в качестве лингвистической единицы, являющейся фразеологическим высказыванием.
2. Исследовать паремию как лингвокультурологическую единицу, отражающую специфику русского национального самосознания.
3. Охарактеризовать структурно-дискурсивные аспекты функционирования паремий.
4. Определить разновидности перлокутивного эффекта, реализуемого паремиями в языке художественных произведений.
5. Изучить специфику паремиологического дискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подобно фразеологизмам, пословицы и поговорки могут подвергаться индивидуально-авторским преобразованиям. В художественном дискурсе для паремий наиболее характерны пять типов трансформаций: изменение компонентного состава; структурно-семантическая (ролевая) инверсия (подобная трансформация носит неполный характер, антонимичной единицы не возникает); образование по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий;

двойная актуализация, обусловленная структурными изменениями и образование авторских афоризмов на основе пословиц и поговорок.

2. Существующую классификациию паремий как речевых действий представляется возможным конкретизировать и дополнить по отношению к характеристике действия: помимо непосредственной характеристики действия, паремии отражают изменение его состояния; побуждение к действию за счет добавления фактора условия; скоростную характеристику действия; действие как перлокутивное заключение договора; отказ от действия; отрицание действия; аргументацию неизбежности действия; мнимый выбор действия; бесполезность действия; оценку завершенного действия; полноту действия; буквализацию действия; полифункциональность действия.

3. Интенциональные потенции устойчивых выражений позволяют им создавать паремиологические дискурсы. Кроме того, что пословицы и поговорки являются элементом текста, они могут быть и дискурсивнообразующей единицей, продуцировать имплицитные смыслы в дискурсе.

4. Дискурс могут образовывать несколько паремий, различных по тематике. Наиболее распространенным приемом построения полипаремичного дискурса является цепочный. Каждая предыдущая паремия усвоена, обработана адресатом, при этом сформирован новый ментальный образ, который порождает новую паремию, и далее процесс развивается уже на новом витке смысла.

5. Паремии способны выступать в художественном дискурсе в роли скрытого или явного конфликтогена. Классификация конфликтогенности паремических единиц включает следуюшие параметры: а) конфликтогенность и в собственно иллокутивных установках паремии, и в ее дискурсивной реализации; б) конфликтогенность паремии в дискурсе; в) паремия как вероятный конфликтоген; г) конфликтогенность паремии как перлокутивная реакция на оскорбление.

6. В дискурсе пословицы и поговорки могут выступать в качестве синтонов – даже при наличии конфликтогенных маркеров, преобразуя напряженную ситуацию во взаимотолерантные отношения.

Научная новизна работы заключается в исследовании пословиц и поговорок в рамках когнитивно-дискурсивного направления, т.е. проводится анализ воздействующего эффекта паремической единицы, в связи с тем, что прагматические установки паремий в художественном дискурсе расширяются, дополняются и конкретизируются, в отличие от таковых у паремий, зафиксированных в словарях. В работе впервые предпринята попытка описать паремиологический дискурс.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем обосновывается лингвистический статус паремии, являющейся традиционно предметом изучения поэтики, литературоведения, фольклора. Фокус исследования смещается в лингвистическую область, а конкретно – в дискурсивное пространство, принимающее паремическую единицу.

Работа вносит определенный вклад в разработку проблем функционирования пословиц и поговорок в художественном дискурсе: расширяет представления о

структурно-семантических преобразованиях устойчивых речеобразований, их способности влиять на выстраивание взаимотолерантных отношений, возможности нового смыслового наполнения.

Теоретико-методологическими основами исследования явились фундаментальные труды в области отечественной фразеологии (А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский, И.А. Оссовецкий, А.И. Ефимов, Е.М. Галкина-Федорук, С.И. Ожегов, С.В. Гаврин, В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский, Ю.А. Гвоздарев, В.Н. Телия, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), в области паремиологии (В.И. Даль, В.Я. Пропп, В.П. Аникин, В.П. Жуков, Г.Л. Пермяков, Л.Б. Савенкова, З.К. Тарланов, З.У. Блягоз, З.З. Блягоз), основные концепции теории речевых актов, теории дискурса, прагмалингвистики (Дж. Остин, Дж. Серль, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, Е.Н. Рядчикова, Г.К. Карпов, В.Г. Гак, Т.Г. Булыгина, Т.С. Непшекуева, Е.К. Шадунц, И.Ю. Третьякова), в области лингвокультурологии (Ю.С. Степанов Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Рядчикова, В.А. Маслова, В.В. Красных, В. Воробьев, В.В. Владимиров, А.Д. Шмелев), в области когнитивной лингвистики (Е.К. Кубрякова, В.З. Демьянков, З.Д. Попова, И.А. Стернин, К.М. Тангир), в области прагматического потенциала паремий (Г.Д. Сидоркова, С.В. Сидорков, С.И. Хун, Б.И. Караджев).

Методы исследования: дискурсивный анализ, коммуникативно-прагматический анализ, предполагающий комплексное толкование смысла и прагматических функций на основе широкого контекста художественного дискурса, методы систематизации и классифицирования материала.

Обоснованность и достоверность полученных в ходе исследования данных обеспечивается опорой на обширный фактический материал. Теоретические положения диссертации опираются на анализ значительного количества источников, связанных с вопросами, поставленными в исследовании.

Материалом для исследования послужили около 1000 примеров паремий, извлеченных из русских художественных текстов. Языковой материал выверялся по лексикографическим справочникам – фразеологическим, толковым словарям, словарям пословиц и поговорок.

Практическая значимость диссертации. Полученные результаты исследования могут найти применение при разработке спецкурсов и спецсеминаров по семантике, теории речевого общения, паремиологии, при составлении пособий по герменевтике, конфликтологии. Материалы и выводы могут быть использованы при проведении факультативных занятий в старших профильных классах лицеев и гимназий, в вузовской практике преподавания русского языка как иностранного, поскольку объясняют особенности русского национального менталитета.

Апробация исследования: основные положения диссертационного исследования освещались на Международной юбилейной научно-практической конференции «Современное русское языкознание и лингводидактика», посвященной 80-летию академика РАО Н.М. Шанского (Москва: МГОУ, 26-27.11.2002); на Международной научно-практической конференции «Вопросы гуманизации и модернизации коммуникационных и учебных инфраструктурах в

странах Ближнего Востока и Черноморского побережья» (Афины – Москва – Краснодар: КубГУ, 4-7.04.2003); на межвузовской конференции «Проблема понимания и языка в современной социокультурной ситуации» (Краснодар: КГАУ, 14.04.2003); на Международной конференции «Русский язык и его место в современной языковой культуре» (Воронеж, 2003); на 8-й межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (Краснодар: КубГУ, 17.04.2009), на 9-й межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (Краснодар: КубГУ, 24.04.2010), а также на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета. Кроме того, результаты исследования содержатся в десяти публикациях, в том числе двух статьях в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

Содержание работы

Во ***Введении*** обосновывается актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования. Введение содержит также сведения о материале и методах, обозначаются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Языковедческие и лингвокультурологические аспекты паремиологии» рассматриваются различные подходы к определению статуса пословиц и поговорок (паремий) в современной лингвистике, отражение национальной специфики в паремических единицах.

В разделе 1.1 предлагается терменоведческое описание понятий «паремия», «пословица», «поговорка». Вслед за И.А. Оссовецким, С.Г. Гавриным, Н.М. Шанским, В.Н. Телия обосновывается лингвистический статус паремий, возможность включения их в качестве полноправных единиц во фразеологический фонд русского языка, поскольку они обладают основными свойствами фразеологизмов: устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, образностью, семантической целостностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью. Кроме того, в пользу признания языкового статуса паремий свидетельствует их кодифицированность в лингвистических словарях (например, Жуков 2000). Подобно фразеологизмам, они могут быть подвержены структурно-семантическим преобразованиям. Данные признаки позволяют включить пословицы и поговорки во фразеологический состав русского языка, хотя они имеют и отличительные от фразеологизмов особенности – семантическую обобщенность (генерализацию), способность к самостоятельному существованию.

Под пословицами и поговорками мы понимаем краткие устойчивые в языке и воспроизводимые в готовом виде единицы с постоянным составом и значением, которые могут быть подвержены контекстуальным (дискурсным) трансформациям, имеющие буквальный и / или переносный план, с синтаксической структурой предложения, часто представляющие назидание потомкам.

Так же, как нет сегодня единого мнения по поводу статуса паремий, так нет и их универсальной классификации. Наиболее актуальной для нашего исследования является классификация по функциональному принципу (Сидоркова 1999), поскольку мы рассматриваем пословицы и поговорки с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Паремия, являясь единицей коммуникации, реализует свой коммуникативно-прагматический потенциал только в рамках коммуникативного пространства.

Раздел 1.2 посвящен лингвокультурным особенностям русских паремий, отражению в них базовых концептов, русской идеи, национального самосознания. Среди ценностных ориентаций русской национальной личности ученые (философы, культурологи, лингвисты) выделяют такие, как святость, соборность, духовность, терпение, совесть, милосердие, справедливость, удаль и др. Эти национальные характеристики находят отражение и в паремиологическом корпусе русского языка. Е.В. Телкова отмечает, что в пословицах и поговорках отражены такие свойства русского национального характера, как фатализм, пессимизм, добросердечие, импульсивность, эмоциональность, любовь к моральным суждениям, человеколюбие, терпимость, трудолюбие и мастерство как мера достоинства человека (Телкова 2003). Мы отмечаем, что в синонимических отношениях находятся понятия «русский» и «смелый» («*Смелость города берет; Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать; Смелый там найдет, где робкий потеряет*» (Жуков 2000)). Одной из отличительных черт русского характера, нашедшей отражение в пословице, является сила, физическая и нравственная, даже одного-единственного человека, в противоположность бытующему мнению о том, что один в поле не воин: *«И один в поле воин, если по-русски скроен»* (Спирин 1985).

Удаль, граничащая с бутылочной храбростью *«Удалой о том не тужит, что конь не служит»* (Даль 1993, т. 1); *Разбитной (т.е. удалой) малый; Бутылочная храбрость* (Там же), сметливость *«У сметливого солдата и рукавица - граната»* (Спирин 1985), благородство русского воина «Лежачего **русский** не бьет» (Алексеев 1973), отсутствие страха перед смертью в бою за Отечество, веру христианскую *«Турки падают, как чурки; а наши, слава Богу, стоят без головы»* (Даль 1993, т. 1) являются концептуальными категориями русской национальной личности, нашедшими отражение в паремическом корпусе русского языка. Смысл русской идеи, которая издавна объединяла русскую нацию, состояла в служении Богу, царю или князю, Отчизне, идеалам добра и справедливости *«Жить – Богу служить»* (Даль 1993, т. 1). В период социалистического строительства в СССР большое внимание уделялось воспитанию патриотизма, роль религиозного просвещения была сведена к минимуму. Служба в вооруженных силах считалась почетной обязанностью гражданина, человек знал: *«Не личное сегодня главное, а сводки рабочего дня»; «Прежде думай о Родине, а потом о себе»* (из песен). Девиз *«Жить – Родине служить»* (Горецкий 1994) был известен даже первоклассникам. Произошла замена лексемы «Бог» на лексему «Родина». Подобные метаморфозы в языке можно объяснить тем, что он является индикатором изменения общественно-политической ситуации в стране.

В главе 2 «Структурно-коммуникативные особенности паремий» рассматриваются основные трансформации паремических единиц в художественном дискурсе, а также описывается роль паремий в характеристике действия.

В разделе 2.1 анализируются пять наиболее характерных замеченных нами из более чем трех десятков авторских преобразований пословиц и поговорок в художественном дискурсе. Проблемой индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологизмов занимались Н.М. Шанский (1963), Б.В. Кривенко (1983), Н.Л. Уварова (1986), Г.Е. Крейдлин (1989), И.Ю. Третьякова (1992,1996), В.В. Бойченко (1993), Е.К. Шадунц (1997), А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко (2001), Н.Н. Федорова (2006), А.И. Грищенко (2008) и другие. Опыт лексикографической разработки ФЕ А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко привлек наше внимание детальной проработкой, скрупулезностью и показался перспективным для дальнейшего изучения данного направления. Нас интересует, могут ли паремии, подобно собственно фразеологизмам, быть подвергнуты тем или иным преобразованиям, присущим собственно фразеологизмам-эквивалентам слов.

Как и А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, для паремий мы выделяем два основных типа структурно-семантических преобразований: 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества паремии; 2) преобразования, в результате которых возникают окказиональные (индивидуально-авторские) паремии. Среди которых, наиболее продуктивными, на наш взгляд, оказались **шесть разновидностей** трансформаций. В названии групп мы, в основном, используем терминологию А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко.

К преобразованиям первого типа относится:

1. **Изменение компонентного состава пословиц и поговорок.**

К преобразованиям второго типа относятся:

2.Окказиональные пословицы и поговорки, основывающиеся на структурно-семантической (ролевой) инверсии. В отличие от базовой классификации А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, мы определяем данный тип преобразования, характерный для паремий, как **неполную** структурно-семантическую инверсию.

3.Семантическая аппликация (Сем А) паремий.

4.Окказиональные паремии, образованные по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий.

5.Образование авторских афоризмов, основывающихся на пословицах и поговорках.

6. Двойная актуализация (двойной семантический план). Авторы словаря, исследуя собственно фразеологизмы, относят данный тип к семантическим преобразованиям, не затрагивающим лексико-грамматическую структуру ФЕ. Отмечая эту разновидность трансформаций у паремий, мы относим данное явление к структурным изменениям.

Рассмотрим подробнее каждую из этих групп. Как показывает анализ языкового материала, самой многочисленной оказалась группа со структурно-семантическими преобразованиями, вызванными заменой одного компонента. В

свою очередь, в этой группе устойчивых выражений можно выделить несколько подгрупп. Обратимся к примерам:

1. Изменение компонентного состава пословиц и поговорок. Замена одного компонента. Обратимся к примеру:

«Слыл он [Иван Коноплев] мужиком справедливым, но злым, ***говорил редко, но едко»*** (Яшин. Рычаги 1988, с. 26).

По сравнению с исходной поговоркой (***говорил редко, но метко***), значение которой понимается всеми как «слово, верно направленное в цель, выразительно и точно называющее суть», авторская версия приобретает иное значение: «язвительное, колкое изречение». Поэтому семантическое преобразование, обусловленное заменой одного из компонентов, наделяет ФЕ новой функцией в речевом отрезке – это оценка нравственных качеств личности, выражение отношения говорящего к объекту речи (в данном случае – отрицательное, пренебрежительное).

Следующие два примера объединены общим первичным источником:

«– Помяните мое слово, что он и дом, и деньги, все своей б… передаст! Да, ***плакали папенькины денежки****!»* (Салтыков-Щедрин 1980, с. 207).

«Да, плакали промтоварные склады, плакали японские кофточки и родные сковородки *– разве столько в сравнении с вынесенным остается там, в этом пекле?!»* (Распутин. Пожар 1988, с. 57).

В обоих случаях индивидуально-авторское употребление поговорки конкретизирует смысловое содержание в речевой ситуации (в первом отрывке – отцовское состояние, во втором – государственные материальные ценности), усиливает экспрессивность. Кроме оценки нравственных качеств личности и конкретизации смысла в речевой ситуации, изменение компонентного состава паремий приводит к усилению изобразительной функции, расширению палитры образной выразительности и приданию ритмомелодического звучания высказыванию. Помимо этого, возможно совмещение сокращения, замены и расширения компонентного состава, придающего высказыванию яркую экспрессивность и отрицательную модальность, ситуативную суггестию.

2. Окказиональные пословицы и поговорки, основывающиеся на структурно-семантической (ролевой) инверсии. **Неполная «ролевая» инверсия.**

По определению А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, фразеологические антитезы представляют собой особый вид структурно-семантического преобразования ФЕ, основывающийся на взаимозамене компонентов, выражающих контрастирующие элементы фразеологического значения и занимающих разные синтаксические позиции в структурной схеме ФЕ (Мелерович, Мокиенко 2001, с. 29). ФЕ, подобные антонимам *сделать из мухи слона – сделать из слона муху,* А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко классифицируют как окказиональные ФЕ, основывающиеся на структурно-семантической (ролевой) инверсии.

В рассказе Ф. Абрамова «Старухи» представлен разговор двух женщин, одна из которых язвительно высказалась в отношении пристрастий собеседницы.

Последняя не промолчала, а с подобной колкостью ответила. Автор так характеризует героиню:

«Но черта с два возьмешь тетку голыми руками! Ведь вывернулась – ***золотом ответила на серебро***» (Абрамов. Старухи 1988).

Приведенный выше пример мы рассматриваем как **неполную** ролевую инверсию, т.к. не происходит взаимозамены компонентов, не образуется фразеологический антоним (*слово – золото, молчание - серебро*), но золото уже «не молчит», а «отвечает». Ср.: ***сказанное слово – серебро, несказанное – золото; слово – олово, молчание – золото*** (Спирин 1985, с. 156) или «Хучь оно ***хорошее слово***, как мое, и ***серебро***, ***а молчание – золото***. – Ты бы все свое серебро-то на золото променял! Другим бы спокойнее было… – посоветовал Нагульнов» (Шолохов 1977, с. 127, 128).

3. Семантическая аппликация (СемА) паремий.

В базовой классификации А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко данного типа преобразования не выявлено. Есть смежный с ним тип – контаминация ФЕ. Термин семантическая аппликация (СемА) был введен в лингвистику в 1997 году Е.К. Шадунц (Шадунц 1997). Но задолго до этого о возможности апплицируемости фразеологизмов в рамках функционирования пословиц и поговорок в художественном тексте говорил В.П. Жуков (Жуков 2000, с. 19). Кроме того, подобное преобразование ФЕ исследовали Н.М. Шанский (Шанский 1963, с. 155), Ю.А. Бельчиков (Бельчиков 1990), И.Ю. Третьякова (Третьякова 1992, 1996), Б.В. Кривенко (Кривенко 1993).

В многоплановом глубоком исследовании Е.К. Шадунц приходит к выводу, что контаминацию следует считать частным случаем СемА (Шадунц 1997, с. 51). Вслед за Е.К. Шадунц и мы придерживаемся той точки зрения, что контаминация – это наложение друг на друга языковых единиц, чаще всего ошибочное, а СемА – прежде всего наложение смыслов, а затем уже – структур, произведенное автором художественного текста с заранее определенной целью.

Обратимся к языковому материалу:

«Корпусной тоже ***расхваливал меня на все корки****, ему нравилось, что он оперирован в солдатском госпитале рядовым врачом – это пахло фронтом и заставляло забыть о прозаическом отростке»* (Крон 1980, с. 131).

Семантический неологизм возникает в результате слияния (наложения) противоположных по лексическому значению языковых единиц (*расхваливать на все лады* и *ругать на все корки*).

Данный пример – *«расхваливал на все корки»* – иллюстрирует комбинаторное взаимодействие самостоятельных компонентов в составе устойчивого выражения с противоположными семантическими характеристиками. Результатом подобного соединения становится доминирование основного значения, материально выраженного в тексте глаголом, над дополнительным. Употребление глагола *«расхваливал»* с устойчивым выражением *«на все корки»* обнаруживает нарушение логико-коммуникативного смысла последнего в традиционном его значении – «словесно бичевать» (Бабкин 1970, с. 59); «очень сильно бранить, разносить, критиковать и т.п.» (Яранцев 1997,

с. 781). А.М. Бабкин выделяет несколько групп глаголов, с которыми сочетается ФЕ «на все корки». К ним относятся глаголы, синонимичные глаголу «бранить»; глаголы, обозначающие «наказать телесно», «побить»; глаголы, обозначающие психическое воздействие – «пробрать», «отщелкать» (Бабкин 1970, с. 60).

Другой пример СемА:

«– Пьяный был дак…

Игнатьич воткнул топор, повернулся, кепку поправил:

– А пьяному, что ли, закон не писан? *– помолчал и словно в школе принялся поучать: – Не по-людски ведешь себя, брательник, не по-людски. Мы ведь родня как-никак. Да и на виду у всех людей, при должностях…»* (Астафьев 1984, с. 127).

Данное устойчивое сочетание относится к разряду структурно-семантических преобразований. Употребление контаминированного высказывания с СемА в **риторическом вопросе** образует новый оборот с обратной, противоположной, антонимичной семантикой. Ср.: ***дуракам закон не писан*** (Жуков 2000, с. 111; Даль 1993. Т.1, с. 474), ***пьяному море по колено*** (Жуков 2000, с. 272).

4. Окказиональные паремии, образованные по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий.

В качестве иллюстрации данной трансформации А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко приводят следующий пример: «Окказиональный синоним фразеологической единицы ″пускать козла в огород″ употреблен в контексте: "… и по этим традициям не рекомендуется пускать козла в огород, а лису назначать заведующей курятником"» (Мелерович, Мокиенко 2001, с. 28). Подобные структурно-семантические изменения мы обнаружили и в пословицах и поговорках. Обратимся к примерам:

«– А маменька-то твоя на том свете возрадуется. Ведь и она ***не на закрайке поля была…*** *Не от сладкой жизни семь годков в параличе лежала»* (Абрамов. Старухи 1988, с. 22).

Рождение паремии вызвано ситуацией речи, в которой, в свою очередь, отразились особенности тяжелого, изнурительного сельскохозяйственного труда, приводящего даже к полной потере здоровья. Синонимическими моделями новообразования являются *не последняя спица в колеснице*; *и мы родились не в лесу, молились не колесу* или самая распространенная *и мы не лаптем щи хлебаем* и др.

Другой пример:

«– ***Ты им стараешься добро, а они норовят тебе нож в ребро****»* (Акулов 1984, с. 117).

Синонимическим прототипом данного неологизма является пословица *не делай людям добра, ругать не будут.* В индивидуально-авторском выражении сохранен принцип семантической антитезы, кроме того, добавлены ритмичность, рифма, и прослеживается отсылка к фразеологизму *нож острый.* Здесь, в отличие от СемА, не происходит появления нового смысла, отличного от базовой синонимичной модели (в обоих случаях рекомендуется не помогать людям, с той лишь разницей, что в авторском варианте, благодаря аллюзии, усилена экспрессия).

Следующий пример ярко иллюстрирует данный тип преобразования:

«– Нешто это по закону правда: и носи, и рожай, и корми, и хрядей, - все одна да одна. Откуда силам быть.

– Лишку судишь, касатка… Господь Бог дал муки, а более радости, нам, бабам. Оттуль и сила кремневая. ***Что бабе легко – мужику смерть…»*** (Акулов 1984, с. 350).

Данная контекстная паремия образована по синонимической модели *что русскому здорово – немцу смерть,* в основу противопоставления положен гендерный аспект.

Следующий пример:

*«Ноги простужены, мозжат ночами, изжога мучает, из глаз метляки летят, и пожаловаться некому. Бодрясь, хохму, от ухорезов слышанную повторяет: ˝****Живешь – колотишься, грешишь – торопишься, ешь – давишься – хрен, когда поправишься…˝*** *Оно и правда»* (Астафьев 1984, с. 98).

Житейская истина, сформулированная в авторской паремии, построена по синонимической модели пословицы *век живи, век учись, а дураком помрешь*. Смысл (бесполезность каких-либо действий) в обеих паремиях сходный, в контекстной пословице, благодаря участию разговорного, просторечного слов, усилена экспрессивность.

Подобные преобразования могут придавать новому выражению ложное утверждение. Например:

«Артелью решено было переставить самоловы на самый стрежень – как и всем малоопытным рыбакам им мнилось – ***чем дальше в реку, тем больше рыбы»*** (Астафьев 1984, с. 146).

Окказиональная паремическая единица, образованная по структурно-семантической модели синонимично пословице *(чем дальше в лес, тем больше дров),* приобретает **дополнительное новое ложное утверждение.** Особенность новой паремии заключается в том, что по форме она является абсолютным подобием первой, а по причинно-следственной связи – ошибочным суждением.

Данный тип структурно-семантических преобразований оказался весьма продуктивным, как и первый – изменение компонентного состава. Поскольку рамки автореферата не позволяют отразить и проанализировать все выявленные нами контекстные паремии, перечислим лишь некоторые: *«Мне ваше добро под девятое ребро»* (Акулов 1984, с. 254) – *как собаке пятая нога, как рыбе зонтик; «Жрать стану мякину, а землю не кину»* (Там же, с. 19) – *умри, но с родной земли не сходи; «Оно вот и блазнится, вроде бы в чужих-то руках не краюха, а коврига цельная»* (Там же, с. 250) – *в чужом огороде капуста слаще, на чужом столе каравай больше* (в данной паремической паре в базовом выражении объект действия тот же, различна степень характеристики, в новом выражении – различны и сами объекты); *«Немца бить – не кур щупать»* (Толстой 1989, с. 301) – *Дело вести – не лапти плести.*

5. Образование авторских афоризмов, основывающихся на пословицах и поговорках.

Как отмечают А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, «к структурно-семантическим преобразованиям второго типа примыкает образование авторских афоризмов, основывающихся на фразеологических единицах» (Мелерович, Мокиенко 2001, с. 32). Например, *баш на баш менять только время терять* (В. Тендряков). Проследим возможность преобразования паремии в авторский афоризм.

«А она ничего не понимает. Сидит, смеется, мне подмигивает. ***Мели, мол, Емеля, твоя неделя, а я на сундуке и ключи у меня в кулаке»*** (Пастернак 1989, с. 600).

Смысл авторского афоризма отличается от превоисточника (говорится тому, кто болтает явный вздор, кому не верят (Жуков 2000, с. 169)) и синонимичен устойчивым фразам *а Васька слушает, да ест; собака лает, а караван идет (ветер носит).*

Следующий пример представляется весьма интересным, так как в целом он является авторским афоризмом, содержащим внутри себя пословицу, но его первая, собственно авторская часть, тяготеет к предыдущему типу образования пословиц и поговорок по синонимическим моделям.

«Титушко вдруг отвалился от стола и, выпрямив спину, перекрестился, вглядываясь в самоварные медали с портретами венценосцев:

– Всякому дыханию своя юдоль, а Бог напитал, никто не видал» (Акулов 1984, с. 104).

Пословица *Бог напитал, никто не видал < а кто и видел, тот не обидел>* употребляется после окончания еды (Жуков 2000, с. 45). Содержание первой части *всякому дыханию своя юдоль* (у каждого человека свои печали, скорби, жизненные страдания) может быть выражено синонимичными выражениями *нести свой крест, каждому свое*. Таким образом, процесс создания данного авторского афоризма включает три ступени: 1. Наличие собственно пословицы; 2.Формирование авторской паремии по синонимической модели; 3. Объединение обеих частей в авторский афоризм.

6. Двойная актуализация (двойной семантический план).

Под двойной актуализацией А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко понимают совмещение фразеологического оборота и его образной основы и / или внутренней формы (бросить камень в кого-либо) (Мелерович, Мокиенко 2001, с. 20). В отличие от паремий, в собственно фразеологизмах подобная трансформация не затрагивает лексико-грамматическую структуру ФЕ. Обратимся к примеру:

«"Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! ***Не по руке она мне****!" – слабо, без надежды взмолился ловец»* (Астафьев 1984, с. 134).

В данном случае наблюдается структурно-семантическое преобразование (замена компонента – ***не по зубам***), повлекшее буквализацию значения устойчивого выражения и, как результат, – двойной семантический план, т.е. произошло совмещение идиоматического значения оборота и его внутренней формы (сочетание прямых значений каждого из слов). Если бы в данной речевой ситуации автор, характеризуя состояние человека, поймавшего очень крупную рыбу, употребил более известное выражение ***не по зубам***, то мы зафиксировали бы лишь общее фразеологическое значение (не под силу, не по способностям

(Ожегов, Шведова 1994, с. 229). Но одновременно с этим замена лексического компонента обнаруживает и внутреннюю форму (даже опытному рыбаку, обладающему сноровкой, трудно в руках удержать рыболовные снасти).

В разделе 2.2 описывается роль паремий в характеристике действия.

Регулятивные функции пословиц и поговорок Г.Д. Сидоркова считает наиважнейшими, поскольку «регулятивная макроинтенция ориентирована на регулирование, в первую очередь, поведение адресата, но также и собственного поведения говорящего» (Там же, с. 59). Среди таковых Г. Д. Сидоркова выделяет урезонивание, предостережение, обличение, упрек, оправдание, обоснование, ободрение (варианты: подбадривание, успокаивание, утешение), побуждение к действию (варианты: подстегивание, поощрение), совет, парирование. Некоторые их этих функций объединены одним и тем же объектом – **действием (или бездействием).** Например, упрек в бездействии *и хочется, и колется, и матушка не велит* (Сидоркова 1999, с. 71); оправдание бездействия *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; всех дел не переделаешь* (Там же, с. 71, 72); оправдание (самооправдание) вызывающих осуждение действий *чем дальше в лес, тем больше дров; не замоча рук, не умоешься* (Там же, с. 73) и т.д. Всего исследователь выделяет 7 групп паремий, характеризующих действие (бездействие). Соглашаясь с этим, мы считаем возможным расширить этот перечень. Наши наблюдения показывают, что можно выделить еще ряд своеобразных функций, которые паремии могут обретать при соединении с другими словами, предложениями, будучи подвержены трансформации. В подобных высказываниях зачастую можно обнаружить несколько смыслов (поверхностный и глубинный), выражающихся эксплицитно и имплицитно.

Учитывая контекстуальную обусловленность, нам представляется возможным добавить следующие **функции паремий** в рамках характеристики **действия (бездействия)**: изменение состояния; побуждение к действию за счет добавления фактора условия; характеристики быстроты действия (иллокутивное значение противоположное исходному, обусловленное рамками контекста вопросительного предложения; продолжительность действия, сомнение в его результате; быстрота действия); действие как перлокутивное заключение договора; отказ (ограничение) от действия (отказ от действия с юмористическим компонентом; одновременный отказ от действия обоих участников коммуникации, обусловленный различными причинами; отказ от действия, влекущий за собой издевку и намек на ситуацию в целом); отрицание действия (эвфемизм); аргументация неизбежности действия; мнимый выбор действия; бесполезность действия; оценка завершенного действия; полнота действия; буквализация действия; полифункциональность.

Проиллюстрируем некоторые из них на примерах:

Побуждение к действию за счет добавления фактора условия.

«Медведев. У меня одна дамка… а у тебя две… н-да!

Бубнов. ***И одна - не бедна, коли умна...*** *Ходи!*

Клещ. Проиграли вы, Абрам Иванович!» (Горький 1977, с. 312).

Пословица обычно употребляется в ситуациях, в которых хотят подчеркнуть преимущество (на наш взгляд, обманчивое) одиночества, выгодного холостяцкого положения, поскольку в таком случае меньше хлопот, проблем, ответственность несешь только за себя. Результатом следования этому принципу может быть, как минимум, оправдание своей безответственности, слабости характера, отказа от действия, а как максимум, – проявление эгоизма, себялюбия. Ситуация обреченности усиливается синтаксической конструкцией СП с союзом *так.* Горьковский же вариант пословицы, напротив, показывает побуждение к действию, моральную поддержку слабому, сомневающемуся. По формальному признаку пословица является возражением предыдущей реплике. Но прагматические установки (контекстуальные) имеют положительные коннотации. Происходит смещение смыслового ядра, акцента с констатации-оправдания в сторону констатации-условия, т.е. при определенных условиях (в данном случае – наличие ума) ситуация обреченности, безысходности может измениться к лучшему.

Действие как перлокутивное заключение договора.

«– Дедушка, не дай пропасть казачьей душе, не выдавай!

Лапшинов с нарочитым негодованием успокаивал:

*– Что ты, Никита! Христос с тобой! Да разве ж я креста на гайтане не ношу! А спаситель как научал: «**Пожалей ближнего, как самого себя**». И думать не моги, не скажу! Режь – кровь не текет. У меня так… Только и ты уж подсоби, ежели, что… На собрании там, может, кто против меня или от власти приступ будет… Ты оборони, на случай… **Рука руку моет. А поднявший меч от меча да и гинет.** Так ить? Ишо хотел просить, чтоб подсобил вспахать мне. Сына мне бог дал умом тронутого, он не пособник, человека нанимать – дорого…»* (Шолохов 1977, с. 77).

Адресант изменяет библеизм «Возлюби ближнего своего, как самого себя», тем самым сужая смысл высказывания в своих интересах, поскольку понятие «любовь» более емкое, чем жалость. Если анализировать логическую цепочку действий по заданному сценарию, то получится, что надо жалеть себя. Таким образом, собеседник искажает смысл слов Спасителя и направляет разговор в выгодное для него русло. Результатом диалога становится заключение договора между сторонами. Хотя вербально согласие реципиента не выражено, но умело расставленные речевые уловки первого не оставляют второму другого выбора. Последние два выражения: паремия *рука руку моет <и обе белы бывают>* (Жуков 2000, с. 276) и фразеологизм *поднять меч* (Федоров 2001, с. 456) используются как предостережение и угроза одновременно.

Следующий пример вариант **отказа (ограничения) от действия**:

[Паратов, Вожеватов издеваются над Карандышевым. Карандышев предлагает дешевые сигары].

«Карандышев (Вожеватову). Вам не угодно ли?

*Вожеватов. Для меня эти слишком дороги; пожалуй, избалуешься. **Не нашему носу рябину клевать; рябина – ягода нежная»*** (Островский 2002, с. 447).

Контекстуальный подход выявляет глубинные (внутренние) ресурсы прагматической установки пословицы. Отказ, сопровождаемый самокритикой,

одновременно звучит как **издевка** в адрес Карандышева. Если и можно здесь говорить о самоуничижении богатого купца Вожеватова, то обязательно о притворном, лукавом самоуничижении, микроинтенции которого направлены на издевку в адрес Карандышева в ситуации нищенского званого обеда, а макроинтенции в рамках всего дискурса-пьесы – против Карандышева-жениха.

Полифункциональность

Отдельно следует отметить такую особенность пословиц и поговорок, как прагматическая **полифункциональность.** Так, Г.Д. Сидоркова отмечает, что в зависимости от контекстуальных условий одна и та же паремия может выступать и как предостережение, и как обличение, и как сетование и т.д. (Сидоркова 1999, с. 49). В связи с этим исследователь учитывает результаты соответствующего опроса информантов, речевые ситуации при этом условные, т.е. контекст предположительно моделируется (в первом случае предположим то-то и то-то, а в следующий раз иначе). Мы же, анализируя полифункциональность паремических единиц, отталкиваемся от реальных коммуникативных ситуаций, отраженных в языке произведений художественной литературы.

Обратимся к примерам, в которых **одна и та же паремия** выступает с отличающимися прагматическими интенциями в различных художественных дискурсах:

1) «– Милости просим закусить, Федор Платоныч! водочки! – приглашает матушка.

– Не откажусь-с.

Жених… сряду выпивает три рюмочки, приговаривая:

*– **Первая – колом, вторая – соколом, третья – мелкими пташками!** Для сварения желудка-с. Будьте здоровы, господа!»* (Салтыков-Щедрин 1980, с. 259).

*2) «– Допили, значит, и эту, дело привычное… А ты, друг мой, сам знаешь, что **первая – колом, вторая – соколом, третья – мелкими пташками.** Я говорю, что надо бы еще»* (Белов 1989, с. 126).

В зависимости от контекста пословица проявляет различные иллокутивно-перлокутивные характеристики. Так, у В.И. Белова в пословице реализуется характеристика действия человека, его состояние. В данном дискурсе паремия показывает рассказчика если не алкоголиком, то, наверняка, знатоком и большим любителем питейного дела. Кроме того, именно в этом дискурсе проявляется дополнительное значение – **имплицитное выпрашивание**. И далее скрытое становится явным, выпрашивание подтверждается эксплицитно ***надо бы еще.*** Г.Д. Сидоркова отмечает, что не всякая иллокутивная цель может быть достигнута посредством паремического изречения пословично-поговорочного типа. К подобным речевым действиям ученый относит обещание, приказание, разрешение, **упрашивание** и др. (Сидоркова 1999, с. 50). Приведенный нами выше контекст доказывает обратное: **выпрашивание** может быть выражено паремией, хотя и имплицитно.

В первом случае у М.Е. Салтыкова-Щедрина эта же пословица тоже характеризует действие и состояние человека. Но, кроме основного значения,

пословица служит **оправданием действия** (пагубной привычки (порока)), что подтверждается псевдооправданием *«для сварения желудка»*.

Глава 3 «Лингвопрагматическая специфика паремий» посвящена особенностям функционирования паремических единиц в речевой коммуникации. В **разделе 3.1** изложены общие вопросы речевой коммуникации: участники коммуникации (говорящий и слушающий); процессы коммуникации (восприятие, интерпретация, понимание, порождение речи). Паремия рассматривается как трехуровневый речевой акт

По справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, теория речевых актов имеет выход в логику, когнитивную психологию, лингвистическую психологию, философию сознания, теорию коммуникации и моделей общений (Арутюнова 1990, с. 413). Иными словами, ТРА открывает дорогу в когнитивную лингвистику.

В связи с целью и задачами работы нас интересует не столько классификация речевых актов, сколько собственно речевой акт, речевой акт с паремиологическим компонентом, самостоятельный паремиологический акт, его функционирование в дискурсе. При этом важным моментом является речевая ситуация, в которой говорение осуществляется с целенаправленным намерением *воздействовать* на мысли и чувства слушающих. Эту сторону речевого акта Дж. Остин назвал **перлокуцией,** или **перлокутивным актом.** Перлокутивный эффект, который может быть определен как результат выполнения перлокутивного акта, представляется важным, поскольку определяет успех речевого акта в целом. Понятие перлокуции, малозначимое при анализе элементарного звена коммуникации, каким понимается речевой акт, становится весьма значимым, когда мы рассматриваем речевой акт в дискурсе, в единстве с другими актами, составляющими данную ситуацию общения.

Мы опираемся на точку зрения Е.В. Падучевой, И.М. Кобозевой, Ю.С. Еськовой, Е.В. Зуевой, Е.А. Мироновой, которые считают, что перлокутивный эффект – это изменение в поведении, сознании участника коммуникации, его реакция на иллокуцию речевого акта (или невербального акта).

Исследование языкового материала позволило нам обнаружить, что прагматические характеристики паремий в дискурсивном пространстве могут совпадать с прагматикой паремий как речевых действий, а могут отличаться или даже противопоставляться им, что приводит к иному перлокутивному эффекту. Обратимся к примерам:

«*– Нет уж, мы тут с своей властью как-нибудь сами помиримся,* ***а сор из куреня нечего таскать»*** (Шолохов 1977, с. 168).

Паремия вне контекста, как самостоятельное речевое действие, несет в себе четко выраженную иллокутивную задачу – примирение, урезонивание. Эту же функцию выполняет устойчивое выражение в конкретной речевой ситуации. В данном случае следует говорить о совпадении перлокутивного эффекта, вызываемого поговоркой в ситуации, и прагматикой паремии как таковой, т.е. перлокутивный эффект адекватен иллокутивным намерениям адресанта, он прогнозируем, ожидаем. В следующем примере встречается та же паремическая единица, но с иной перлокутивностью.

«– Дело твое. Но имей в виду: есть люди, которым, вероятно, не понравится, что двое ученых, вместо того, чтобы объединиться для общего дела, разводят склоку и ***выносят сор из избы****. На радость всяким шавкам…*

– Вероятно, найдутся люди, – говорю я, – способные разобраться, кто из них прав» (Крон 1980, с. 436).

В данном диалоге иллокутивная сила осталась нереализованной. Адресат неумолим. Но, оставшись при своем мнении, он не конфликтует с коммуникатором, не бросает вызов, как адресант из следующего примера:

Аксюша. ***Насильно мил не будешь****, Алексей Сергеевич.*

Буланов. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Ведь вам лучше меня не найти (Островский 2008, с. 351).

Обычно, данное выражение употребляется в качестве аксиомы, в истинности суждения не приходится сомневаться. Но в конкретной речевой ситуации паремия не является для реципиента аргументом, авторитетным мнением. Смирения с действительностью, как следствия иллокутивной задачи высказывания, не происходит. Адресант (Буланов) не строит конструктивный диалог. Данное речевое явление можно охарактеризовать как **обратный** перлокутивный эффект. Реципиент реагирует на информацию не примирительно (или хотя бы спокойно), в соответствии с замыслом адресата, а с вызовом, угрозой, желанием идти на конфликт.

Для нашего исследования является важным, имеет ли значение фактор адресанта настолько, что паремия, высказанная различными коммуникаторами, подводит к отличающимся перлокуциям. Обратимся к парным примерам:

[Разговор о бурлаках].

1. «*Паратов (Карандышеву). Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей!* ***Я еду-еду не свищу, а наеду – не спущу.***

Карандышев хочет отвечать.

Огудалова. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса! Вели шампанского подать да налей им по стаканчику – пусть выпьют мировую» (Островский 2002, с. 203).

2. «*Мурзавецкий. Но нет, я шутить над собой не позволю, дудки!*

Анфуса (увидав Лыняева). Ах, вы уж… ну вот… уж сами… (Идет в сад.)

Мурзавецкий. Я еду-еду ***еду не свищу, а наеду – не спущу.***

Анфуса. Ну, мели уж… на просторе! (Уходит.)» (Островский 2008, с. 494).

В первом случае адресант – сильная языковая личность, внушающая доверие к себе, авторитетная личность (хотя и неоднозначная, с точки зрения нравственных ценностей). Этим вызвана и соответствующая (предостерегающая, примирительная) реакция Огудаловой, понимающей, что слова брошены не на ветер. А во втором примере адресант – личность весьма посредственная, никто серьезно его не воспринимает, хотя по социальному положению он стоит выше адресата, и отвечает прислуга с открытым пренебрежением (*мели уж… на просторе* – легко просматривается известная поговорка *Мели, Емеля, твоя неделя*). Таким образом, фактор адресанта, которому уделено еще недостаточно

внимания в работах по коммуникативистике, требует дополнительных исследований, особенно в паремиологическом контексте.

Таким образом, перлокутивный эффект может быть адекватным результатом задуманных авторских интенций, выраженных паремиями, может не соответствовать иллокутивным задачам, кроме того, перлокутивный эффект зависит от фактора адресанта.

В **разделе 3.2** иллюстрируются разновидности перлокутивного эффекта в художественном дискурсе. Так, **подраздел 3.2.1** посвящен рассмотрению паремий-директивов и паремий комиссивов. В художественном дискурсе функционируют эксплицитные и имплицитные паремии-директивы. Форма выражения перлокуции имплицитной паремии-директива может быть различной: невербальной, внутренней или «ментальной» (термин Е.С. Кубряковой).

Паремии-комиссивы способны быть прямым обещанием самого субъекта, опосредованным выражением обязательства или выспрашиванием гарантий у партнера-собеседника.

Как справедливо заметил Дж. Остин, предложивший известную классификацию речевых актов, «после выделения указанных групп все равно остается возможность находить многочисленные пограничные или неудобные для классификации случаи и пересечения наших групп» (Остин 1986, с. 116). Подтверждением этого тезиса являются и паремические единицы, функционирующие в художественном дискурсе, которые могут быть директивами или комиссивами «в чистом виде», а также способны реализовывать прагматические установки на стыке классов директивов и комиссивов.

В **подразделе 3.2.2** рассматриваются паремии в роли конфликтогенов и синтонов. Исследуя пословицы и поговорки как речевые действия, т.е. с позиций теории речевых актов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, ученые выявляют определенные интенциональные установки: совет, упрек, предостережение, угроза, парирование, которые ситуативно могут продуцировать конфликт либо нивелировать его. Среди существующих определений конфликта и конфликтогена (Голев 2001, с. 38), (Дмитриев 2002, с. 277), (Шейнов 2003, с. 7) определение Т.С. Непшекуевой представляется нам наиболее убедительным и лаконичным: «Конфликт – состоявшееся противостояние, а конфликтоген – лишь его потенциал» (Непшекуева 2006, с. 73). Исследователь отмечает, что среди самых распространенных называют такие конфликтогены, как месть, упрек, враждебность, гордыня, страх, риск, ярость, эгоизм, зависть (Там же, с. 60). Кроме того, в некоторых речевых ситуациях конфликтогенами могут быть проявления радости и спокойствия (Рядчикова, Непшекуева, Боева 2004, с. 105).

Положив в основу фактор возможной или реальной конфликтогенности паремической единицы в художественном дискурсе, мы составили следующую классификацию конфликтогенности паремий: 1) конфликтогенность и в собственно иллокутивных установках паремии, и в ее дискурсивной реализации; 2) конфликтогенность паремии в дискурсе; 3) паремия как вероятный конфликтоген; 4) конфликтогенность паремии как перлокутивная реакция на оскорбление.

Отдельно отметим две группы паремий: 1. Паремия-примирение. 2. Взаимотолерантные отношения.

Поясним и проиллюстрируем перечисленные функции паремий, наиболее часто использующиеся в художественных текстах:

1. Конфликтогенность и в собственно иллокутивных установках паремии, и в ее дискурсивной реализации.

«– Я не пойду! Все одно не пойду! – Марина прошла мимо кровати, опахнув Андрея запахом пота и разгоряченного тела.

– Тогда, гляди, придется нам – ***горшок об горшок и врозь.***

– Загрозил!

– Я не грожу, а только мне иначе нельзя (Шолохов 1977, с. 50).

В данном случае налицо собственно прагматическая установка угрозы в пословице, хотя собеседник и отрицает этот факт, но сама паремия «предвещает» неминуемое столкновение.

2. Конфликтогенность паремии в дискурсе.

В следующем случае совет выступает в роли конфликтогена:

«Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный – не водись с бесчестным, ***не трись подле сажи – сам замараешься.***

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. видно, ***ты чист, как трубочист!***

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо» (Островский 2002, с. 133).

В данном дискурсе симптомом конфликтогенности паремии-сравнения *чист как трубочист*, во-первых, является реализация его образной мотивировки, во-вторых, открытая адресация именно тому лицу, кому направлено речевое действие. Причем адресат совершенно верно интерпретировал еще первый выпад адресанта (*не трись подле сажи сам замараешься,* т.е. Коршунов приравнивается к саже), который был предназначен в качестве совета Гордею Карпычу, и попытался урезонить обидчика, переведя этот намек как оскорбление в свой адрес на шутку. Таким образом, первое устойчивое выражение можно охарактеризовать как непрямое оскорбление, потому что было сказано не в лицо адресату, а косвенно, предназначалось третьему участнику коммуникации, т.е. дискурсивные возможности паремии расширились: одновременно она является эксплицитным советом и имплицитным оскорблением (как следствие, конфликтогеном).

3. Паремия как вероятный конфликтоген.

В эту группу вошли паремии с конфликтогенным потенциалом, который в силу различных обстоятельств не реализовался. Например:

«– Там он сегодня, в артельной конторе, – сказала она о председателе и вдруг улыбнулась обнаженными глазами: – Как, Харитон Федотыч, поживаешь со своей молоденькой женушкой?

– ***Много будешь знать – скоро состаришься****.*

– Теленочек ты, Харитоша, – и она хохотом проводила его» (Акулов 1984, с. 195).

Пословица является ответной реакцией на вопрос-конфликтоген, потому что проявлять интерес к личной жизни человека неприлично. Отсутствие адекватной реакции на паремию обусловлено личностью собеседницы. Заданный женщиной вопрос говорит о ее бестактности. Поэтому попытку Харитона осадить любопытную она пропускает мимо ушей.

4. Конфликтогенность паремии как перлокутивная реакция на оскорбление (взаимное оскорбление).

«– Чего это ты, интересно, за него спокойная? Святой он у тебя, че ли?

– Святой не святой, а с тобой займоваться не будет. Зачем ему добрую птицу на сороку менять? Ты же сорока, тебе лишь бы пострекотать.

– Ой, глядите-ка, сравнила! – обрадованно зачастила Надька. – Я сорока – ладно, а ты-то что за добрая птица? Уж не та ли, что ***вся в черном летает да одно только слово знает****?»* (Распутин 1980, с. 69).

Первичным конфликтогеном здесь является сравнение собеседницы с сорокой, более того, оно усилено противопоставлением в предыдущей реплике. Отстаивая репутацию мужа, желая показать его умение видеть, ценить и беречь настоящие нравственные ценности, автор высказывания изменяет объект речи, переключает внимание собеседницы со «святости» своего мужа на характеристику женщин, причем в свою пользу. Вторичным конфликтогеном является устойчивое выражение, которое по традиции имеет отрицательные коннотации по отношению к вороне, что усугубляет столкновение, накаляет взаимотношения, ведет к эскалации конфликта.

Таким образом, пословица с установкой парирования не снимает напряжение, конфликт не разрешается, а продолжается взаимным оскорблением.

1. Паремия-примирение (синтон).

Говоря о конфликтных ситуациях в речевом поведении, связанных с функционированием пословично-поговорочных выражений, нельзя не сказать о противоположной стороне общения. В некоторых случаях паремии реализуют миротворческие потенции, хотя первоначально в них присутствовал фактор конфликта. Например, благодаря структурно-семантической трансформации устойчивого выражения, следующая ситуация разрешается мирным договором обеих сторон:

«– Мы-то тоже без вас как-нибудь проживем! Уж плакать и убиваться не будем, факт! ***Баба с телеги – кобыле легче****, – отрезал Давыдов.*

– Оно и лучше, когда полюбовно разойдемся. ***Горшок об горшок и – без обид врозь.*** *Дозвольте скотинку нашу из бригад достать»* (Шолохов 1977, с. 176).

2. Взаимотолерантные отношения.

Взаимная толерантность и эмпатия – это признак высокого мастерства речевого и общего культурного поведения, это критерий самовоспитания и саморегуляции, это условие успешного сотрудничества всех участников коммуникации и любой другой деятельности независимо от возраста, социального статуса, половой, религиозной, национальной принадлежности и прочих факторов.

Обратимся к фрагменту макродискурса:

«Вдруг дед Филин повернул свою бороду к седокам и поглядел на них на обоих через прищур. Хотел сказать что-то, но не решился …

– Приболел он к тебе, стало быть, близехонько лег, – сказал вдруг дед Филин и, зажав в коленях вожжи, показал Баландину решеточку из пальцев: – Зароку, мол, не давал, так иди-ка покусай локоток. Не умел по доброму – поживи по худому. Не скажешь ведь? Другое на уме пасешь. То-то, что ***жалует царь, да не жалует псарь****.*

Дед Филин умышленно затуманил свою речь, чтобы не обидеть Баландина своими немилостивыми призывами, хотя с языка так и просились злые определенные слова. Поняв, что задел Баландина за живое, опять занялся дорогой, вроде совсем устранился от разговора…

– Значит, по-твоему, упечатать за решетку? Успеется. ***Ошибись,*** *говорят,* ***милуя.*** *В Библии-то как сказано?*

– Жалью моря не переедешь.

– С виду ты, дед, мягкий.

– Без приварка живу *– зачерствел, может. А слова мои, товарищ Баландин, мимо кармана не суй.*

– Это уж как требование, что ли?

– Вишь. И обиделся. Как знаешь. Мое дело сказать, потому как он к нам еще сулился с каленым железом, выжигать частность. Вот и говорю, таких надо подале держать.

Дед Филин ни разу не упомянул имя Мошкина и выразил этим свое, видать, немалое пренебрежение» (Акулов 1984, с. 467-469).

В самой природе паремической единицы ***жалует царь, да не жалует псарь*** уже заложены конфликтологические иллокутивные установки. Проявляя в дискурсе столкновение и мнений, и отношений, пословица все-таки смягчает напряжение ситуации, не позволяет развиваться эскалации. Весьма осторожное, даже несмелое вступление деда Филина в дискуссию насыщено метафоричностью с целью прощупать ситуацию, не наломать дров, подготовить собеседника. И Баландин проявляет терпение к Филину, относится с эмпатией, он желает разобраться в ситуации, понять рядового человека, а в его лице и всех тружеников земледелия, ситуацию с хлебозаготовками в целом по стране, поэтому не воспринимает пословицу как оскорбление в свой адрес, вызов. Он открыт к конструктивному диалогу. О том, что диалог прошел с пользой, говорят авторские замечания далее по тексту: «*Далее до самой Мурзы ехали молча. Дед Филин каялся, что ввязался в разговор; Баландина мучила мысль о том, что плохо он все-таки знает деревню*». Описанный нами пример не является, безусловно, эталоном взаимотолерантных отношений, но в нем четко прослеживается попытка построения таковых на основе уважения и желания понять другого.

Анализируя конфликтологические потенции паремии, нельзя не сказать о вербальных / невербальных маркерах конфликта / толерантности в данном дискурсе. Это позволит представить наиболее полно картину конфликтности ситуации, роль в ее создании не только паремий, но и других явлений.

Невербальные маркеры конфликта: *показал Баландину решеточку из пальцев; просились злые определенные слова; ни разу не упомянул имя Мошкина.*

Невербальные маркеры толерантности (синтоны): *хотел сказать что-то, но не решился; умышленно затуманил свою речь, чтобы не обидеть Баландина своими немилостивыми призывами; поняв, что задел Баландина за живое, опять занялся дорогой, вроде совсем устранился от разговора.*

Вербальная составляющая (маркеры) конфликта, выраженная не паремиями *он к нам еще сулился с каленым железом; и обиделся.*

Вербальная составляющая (маркеры) конфликта, выраженная паремиями: ***жалует царь, да не жалует псарь; ошибись милуя; жалью моря не переедешь; без приварка живу.***

Таким образом, паремические единицы наряду с иными языковыми единицами и невербальными средствами участвуют в создании конфликтного дискурса. Но проявляют они контекстуально различные потенции: могут являться и «зоной конфликта», и «миротворческим контингентом» одновременно. Все зависит от конкретной ситуации, конкретных условий, сопровождающих процесс общения. Результат подобных взаимоотношений зависит от доброй воли его участников, их стремления к сотрудничеству, решению всех возникающих вопросов цивилизованными способами.

В ***разделе 3.3*** рассматривается паремия как дискурсивнообразующая единица в русле когнитивного подхода современной лингвистики, его дискурсивно-когнитивного направления, выделенного Е.С. Кубряковой.

Исследуя пословицы как хранилище народной мудрости, житейского опыта, накопленного веками, представляется возможным признать за ними статус **текста**, поскольку они обладают завершенностью, информативностью, целостностью и структурностью. Но если исследовать их с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, оперируя такими критериями, как функциональность, процессуальность, актуальность речевого действия, то целесообразнее те же единицы номинировать как **дискурсивные**, поскольку они находятся в ситуации реального общения, являются «компонентом, участвующим во взаимодействии людей и механизмах их сознания» (Арутюнова 1990, с. 136, 137).

В современной лингвистике под когницией понимается проявление умственных, интеллектуальных способностей человека, когниция включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира. Информация трансформируется, перерабатывается мозгом, преобразуясь в ментальные репрезентации разного типа (Кубрякова 1996, с. 81). Среди результатов такого процесса – рождение паремиологического дискурса. Процесс его создания представляет собой, с одной стороны, порождение первичной паремии, и понимание ее, порождение ответного умозаключения – с другой.

С.В. Сидорков рассматривает паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. При таком подходе конкретные паремии в дискурсе не участвуют. Дискурс образуется вокруг смысла, ассоциативно соответствующего определенной паремии (Сидорков 2003, с. 101-103). В отличие от С.В. Сидоркова, мы исследуем небольшие по объему художественные дискурсы, построенные на

конкретных, вербализованных паремиях, либо их индивидуально-авторских трансформациях. Поэтому представляется возможным назвать подобные дискурсы **паремиологическими**. Сочетание *паремиологический дискурс* пока еще крайне редко встречается в исследованиях. В лингвистической литературе со словом *паремиологический* обычно согласуют *фонд, материал, корпус* и т.п., подразумевая при этом, как правило, некий объем пословиц, поговорок, присловий, дразнилок и прочих паремических единиц (в широком понимании). В подобном ключе трактуют русский паремиологический дискурс Н.В. Дранникова (Дранникова 2004), И.В. Тяпкова (Тяпкова 2009).

В ходе исследования нами были выявлены речевые акты, созданные на основе паремических единиц. Дискурсы, построенные на устойчивых выражениях, можно разделить на две группы. Первая группа характеризуется **монопаремичиостью**, т.е. в порождении высказываний участвует одна и та же пословица или поговорка. Вторая группа характеризуется **полипаремичностью**, т.е. паремия как речевое действие информатора побуждает адресанта к высказыванию, построенному на паремии, что, в свою очередь, подталкивает первого участника коммуникации (а может быть, третьего и последующих) вести общение в том же паремиологическом ключе. Наиболее распространенный прием организации паремиологического дискурса второго типа можно охарактеризовать как ***цепочный***, т.е. высказывание предыдущего адресанта подталкивает последующего к продолжению в том же паремическом ключе. Причем общение может ограничиться первыми двумя субъектами дискурса или же последующий станет предыдущим для третьего лица. Например:

«– А то чего же! ***Наживал, наживал, а зараз иди на курган****.*

– Скушноватая песня…

– То-то ему, небось, жалко! А?

– ***Всякому своя боль больная.***

– Небось, не нравится так-то, а как сам при старом прижиме забирал за долги у Трифонова имущество, об этом не думал.

– Как аукнется…

– Так ему дьяволу, козлу бородатому, и надо! ***Сыпанули жару на подхвостницу!***

– ***Грех, бабочки, чужой беде ликовать****.* ***Она, может, своя – вот она.***

– Как… то ни черт! ***У нас именья – одни каменья.*** *Не подживешься дюже!»* (Шолохов 1977, с. 73).

Паремия может выступать как объединяющее идейное, тематическое ядро, т.е. в функции референциального единства – единства участников описываемой ситуации. Но встречается речевое поведение, при котором собеседники, оперируя одними и теми же языковыми единицами, клише, описывают различные референциальные ситуации.

Выводы из сказанного можно отобразить в следующей схеме:

В **Заключении** диссертации обобщаются полученные результаты, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования роли паремических единиц.

В **Приложении** помещена составленная нами таблица, которая демонстрирует противоречивость современного подхода к лингвистическому статусу пословиц и поговорок.

В качестве дальнейшей разработки данной темы можно назвать следующие направления: а) углубленное изучение других лингвопрагматических аспектов паремических единиц (например: паремия как бехабитив, эротетив и т.д.); б) более детальное исследование широкого круга разновидностей индивидуально-авторских преобразований пословиц и поговорок; в) создание полного перечня дискурсивнообразующих факторов, способных проявляться в паремиях; г) изучение особенностей функционирования паремий в других видах дискурса (например: публицистическом, профессиональном и т.д.); д) исследование дискурсивных особенностей паремий в сопоставительном аспекте: между русскими пословицами и поговорками и паремическими единицами других лингвокультур.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях

1. **Горбань, И. В. Прагматический аспект паремий и авторские преобразования устойчивых выражений в языке художественных произведений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп : Изд-во АГУ, 2009. Вып. 3. С. 136–139.**

2. **Горбань, И. В. Роль паремий в создании перлокутивного эффекта в художественном дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб. 2009. № 118. С. 180–183.**

3. Рядчикова, Е. Н., Горбань И. В. Роль паремий в коммуникативном акте // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. материалов Междунар. юбилейной научно-практич. конф., посвященной 80-летию академика РАО Н. М. Шанского. М. : Изд-во МГОУ, 2003. С. 282–285.

4. Горбань, И. В. О вариативном употреблении устойчивых выражений в художественных произведениях // Вопросы гуманизации и модернизации коммуникационных и учебных инфраструктурах в странах Ближнего Востока и Черноморского побережья : материалы Междунар. научно-практич. конф. Афины ; Москва ; Краснодар, 2003. Ч. 1. С. 35–36.

5. Горбань, И. В. Отражение в русском языке особенностей духовной культуры народа // Проблема понимания и языка в современной социокультурной ситуации : материалы межвуз. научно-практич. конф. Краснодар : КГАУ. 2003. С. 134–136.

6. Горбань, И. В. Отражение национальной идеи русского народа в языке (на материале устойчивых выражений) // Русский язык и его место в современной языковой культуре : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2003. С. 67–68.

7. Горбань, И. В. Терминосфера понятия «паремия» // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. Краснодар : КубГУ, 2005. С. 152–171.

8. Горбань, И. В. Паремии как директивы в художественном дискурсе // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения : Материалы 8-й межвуз. конф. молодых ученых. Краснодар : КубГУ, 2009. С. 86–91.

9. Горбань, И. В. Паремии как комиссивы в художественном дискурсе // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения : Материалы 9-й межвуз. конф. молодых ученых. Краснодар : КубГУ, 2010. С. 36–40.

10. Горбань, И. В. Фактор адресанта и адресата в паремиологическом дискурсе // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения : материалы 9-й межвуз. конф. молодых ученых. Краснодар : КубГУ, 2010. С. 40–44.